

S. I.

ЦВЕТОПОЛЬ

S. I.

Цветополь

«Издательские решения»

I. S.

Цветополь / S. I. — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-961040-9

Студент утратил смысл жизни. Делает тщетные попытки найти истину. Становится жертвой иллюзий. Сознательно жаждет отречения от любви к девушке. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-961040-9

© I. S.

© Издательские решения

Содержание

ПЕСНЬ АДОНИСА	6
ВТОРАЯ	8
ТРЕТЬЯ	9
АРАТИО	10
СТАГНАЦИЯ 1	11
DESTRUCTIO	13
СТАГНАЦИЯ 2	14
PHANTASMAGORIA	16
СТАГНАЦИЯ 3	17
PHILOASTREANISMA	19
СТАГНАЦИЯ 4	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Цветополь

S. I.

© S. I., 2019

ISBN 978-5-4496-1040-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПЕСНЬ АДОНИСА ПЕРВАЯ

Небосвод голубой
да зеленые степи,
неозримый простор
весь в белом цвете.

Там нету запретов,
там бегают дети.
цветополь – мой дом,
цветенья обитель.

Сей мир есть прекрасен,
лужайки в нем мягкие.
и цвета запахи...
о цвета запахи!

Я в нем родился
и был призван к счастью.
Цвели мы потрясно
все в белой покраске.

Все было в порядке,
я чувствовал червень,
дивился ночевлям
и солнышка ласкам.

Опадшие листья
нас не страшыли,
цвели мы да были
млады и счастливы.

Но как-то ворвались
мятежные бури,
небо СсерелоСь
от боли и хмури,

и, нежные досель,
ветра первомая
били до жути нас,
неумолкая.

Я прячусь под одуванчики.
Прячусь по одуванчики.
Здесь грохот и боль —

я проклят судьбой.
Я прячусь под одуванчики.

ВТОРАЯ

Мой цветополь, мой кустарник.
Я родился в нем однажды.
Не просил, но разве важно
плоду мнение зачатка?

Посадил нас бог в ячейки.
Отрывал листки от стебли,
чтоб выросли на маках перлы.
Из засохших – я есть первый.

Я – завялый плод в апреле.
Всем плевать на мои песни.
Кто расцвел, тому и цвести.
Кто не смог – тому увечье.

Я самый яркий из цветков.
Я самый первый в рощу шел
и думал первым вращу плод.
Но ветер дунул – я poleg.

И дунул сильно, что не смог
поднять из темени цветков.
Жизнь дал грунт – не уберег.
Грунт забрал – я в нем измог.

Теперь судьба моя одна —
забыв о песнях комыша,
писать свои в плену костра,
что губит душу, пепеля.

Куда б не шел – я болен.
Меня не ждут и пофиг.
Питал иллюзий корни —
устал – предался почве.

Мой цвет не нужен больше.
Мой путь в лучах – окончен.
Я полон боли, может быть —
кошмар всего лишь?

ах если так, то долгий.
И нет чего грызть ногти.
Как ни было б, доволен —
ведь я убит свободой.

ТРЕТЬЯ

Цветополь-Цветополь,
в тебе одиноко.
Я болен пороком,
ведь в корне не кроток.

Цветополь-Цветополь,
без хулы на бога,
мол дядя набоков
Лолиту бы трогал.

Цветополь-Цветополь
я – горд, но не против
плескаться в болоте,
дожив к позолоте.

Я, боль осознавший,
лекую под гнетом,
что падший, что падший,
на веки утоптан.

Не бей меня сильно,
сжалей, я – ребенок,
что волей упился
и волей окован.

Верни меня к солнцу,
а нет, так сполни же,
чтоб небыло слышно
рыданий малышей.

Но что ж ты не молвишь!
Да что ж ты немой мол!
Я, кажется, понял —
увы, ты не можешь.

Тебе нету дела.
Ты просто структура.
Лешить мене бремя
не в твоих потугах.

Так значит с сегодня
ты больше не властен!
я слаб, но прекрасен,
ведь волен от пастки твоей.

АРТИО

Не та эпоха, век не тот
и я, умерший, в потолок
смотрел краснющим глазами.
По счету шел четвертый год,
как видел бог, что на диване,
примерно в том же состоянии,
лежало пугало его, мое,
в дурмане, или же в нирване?

СТАГНАЦИЯ 1

Ранним часом под утро,
дцатого небритября,
мол глупая чайка южная,
выполз из тени й обратно

двинулся, на белом стуле,
в черную темень за шторой.
Гудел вчерашним застольем
мой копф в забытийном намуле.

Рушил на койку место,
приляг и притих, а как следствие —
вымолил прямо к обеду
у господа горстку депрессии.

И все было как по сценарию,
написан что он в прошлом веке
евреем, взлюбившим доллары
больше «Правды» советов.

Как и ним преднаписанно,
очень дурная функция —
«выпасть и жизни ритма
с пунктом вины презумпции».

Но полюс плюса и минуса
в свете безсветья меняется.
Где был мираж благодетели —
нет теперь места отчаянью.

По этой простой причине,
я не выходил из комнаты.
Горят темно русые волосы
цветом седой кончины.

Я не выходил из комнаты,
я не совершал ошибок
кроме тех, что вместить позволили
в себе стены обоями крытые.

Я не выходил из комнаты,
и не совершал ошибок,
кроме тех, оградить от которых
не сумели оконные шибы.

Я не выходил из комнаты,
И не шел путями окольными,
кроме тех, которыми полны
оказались фантазии вольные.

Остаться в квартире – оправдано.
Снаружи не век застоя —
затворники гуглят Байрона,
а Кафку читают хором.

DESTRUCTIO

«Хто я в цьому міре – що нібудь ціле,
чи деталь конструктора Лего?
Дінозавров потомок? Репер – уйобок?
Силян? Філософ? Деган!

Я душу чуть не праєбав,
в стараніях забути цей мір.
Но, слава богу, я догнав,
що деград може бути святим.»

Курган x John Deere x МС Режисьор x МС Сварка – Деган

«Бібліотека странних знаній протів зибкой почвы.
Ми ізучаем мір вокруг, но ехо як із бочки.
І отвратительнійший смех заповонив пространство.
Я так питався сохраниць цей мір, но патом я здався.
Патом я здався.
Кому я нахуй здався!»

Курган – любопитство

СТАГНАЦИЯ 2

Пиздецом заболевшие, души вшивые.
От градусов с перцем, с утра отходимые.
Взор суеверцев, а лица смазливые.
Тонкие мысли, но правда незрима им.
Они что-то читали, заметки строчили на листьях тетрадных.
А я – дико плакал, заочно, но все же, ссылая их нахуй.
Одежды другие, статуры – другие. их сонмы загнивших!
Они не готовы стать были под стать мне,
немому, но гласному в тише, поэту.

Взирая на это,

Я кончил и слил слизь, ведь я – конченный слизень,
смазливость свою разменявший на чирсы
с рандомными хиппи,
возле заправок, калиток, наверное, чых-то домов,
Возле вокзалов столичных и фур пригородных складов,
В спешке загруженных химкой, тоже, наверное, чых-то.

И в этом говне, я тонул месяцами.
В сраном плену, до усрачки опьянен,
с нимбом на лбу и с благими мечтами
прошарить шпану о вселенском дурмане.
И все я мечтал о лугах и краях,
освещаемых заревом воли.
Поезда ждя, То с дождем, то в снега,
за углом на морозном пароме.
На деле ж твердил, чтоб налили сто грамм
мне в стопарь и на час я спокоен.
вождейте, толпа, мне сто грамм – вам вождя,
что трезвонит о чаше покоры.
Оказалось, всем пофиг. Полностью пофиг!
Я дудлил все больше и больше.
Руки дрожали от холода – осень.
Часы пробивали куранты – восемь.

Я кончил и слил слизь, ведь я – конченный слизень,
смазливость свою разменявший на чирсы
с рандомными хиппи,
возле заправок, калиток, наверное, чых-то домов,
Возле вокзалов столичных и фур пригородных складов,
В спешке загруженных химкой, тоже, наверное, чых-то.

Вдруг прекратил я. Меня осенило.
Я болен. Болезнь моя в прозе.

Округлость винила душу манила.
Теперь я не предан моде.
Ликуйте, народы, ведь вы – обормоты,
вы кончены, как и мой корень.
Вам бы лишь мода, а я уж свободен —
накурен, пропитый до гроба.
Вам потреблять, а мне бы стерня,
Чтоб орать и пахать в чистом поле,
с утра до ночи, от зори до зори,
До пота и в голенях боли.
А там, посмотри, и хлебушек осенью вскоре.
Накормим и вас мы, накормим, не бросим.
Ведь с вами бухать, а без вас – умирать.
Я был рад приобщиться к изгоям.

Я кончил и слил слизь, ведь я – конченный слизень,
смазливость свою разменявший на чирсы
с рандомными хиппи,
возле заправок, калиток, наверное, чьих-то домов,
Возле вокзалов столичных и фур пригородных складов,
В спешке загруженных химкой, тоже, наверное, чьих-то.

PHANTASMAGORIA

Стать бы стулом, цвета кедра.
Или просто потолком.
Ошиваться возле центров
Невеликих городков.
Ощущать древесным телом
Коверкотное пальто,
Забываться в разговорах
Про вчерашнее кино.

Стать бы граммом алкоголя
И в бутле, бурля, бродить.
Наливаться с хлюпом в чашку
И в уме шально острить.
Капать граммом на печеньку
И, касаясь алых губ,
Восхищаться ароматом
Напарфюмленных подруг.

СТАГНАЦИЯ 3

Ему нужно идти, но он тонет в горячей ванной.
Сгорают от тяжёлых бычки, падая в ванну попарно.
Тонут ребенка мечты, окутаны клубами дыма.
Дым не спасает, хотя без него и паршиво.
Дребезги мыслей кусаются бранными думами.
Пиво и водка, виски и кола – до упали.
Веревка или нож, тонуть или выйти в окно,
но решено – к черту весь брен и вперед.
А если он все же не сможет дойти,
если получится так, что утонет,
тупо открыть не сумеет шасси
в диком пике над условных Гудзоном.
Если в пути его все же убьют,
а сигареты не сгладят все раны,
отдайте ветрам его прах на приют,
развейте его над морями

Развейте мой прах над морями
дикой морозной зимой.
Тлен ползает под парусами,
я ж буду летать под луной.

Берег, каскад, окунайся, странник,
город тебя подождет.
Ведь Нэмо постиг океаны,
он вскоре и нас постижет.

В мраку и жар. В снега, холода и морозы.
Все тот же маршрут, ни на минуту не сломлен погодой.
Все те же дома, все те же счастливые, злобные лица,
чья участь одна – веселиться, бухать, материться.
Люди, которым он нафиг не нужен.
Люди, из-за которых он злится.
Чванны, глупы, безразсудны.
Люди, с которыми надо слиться.
Сквозь толпотворенье рушит в места беспокойны.
Все с теми же мыслями – нахуй все мысли, я болен.
Как же уделать уроком людей безразличных?
Эй, у него же есть слово – собственный дом пяти листьев!
И с Блоковской мыслью о деле поэта,
и с потом на лбу, и одетый абы как,
бежит по троллейбусу молча на выход.
Если забьют, то вы знаете прихоть:

Развейте мой прах над морями

дикой морозной зимой.
Тлен ползает под парусами,
я ж буду летать под луной.

Берег, каскад, окунайся, странник,
город тебя подождет.
Ведь Нэмо постиг океаны,
он вскоре и нас постижет.

PHILOASTREANISMA

Оранжевый чай по гортани течет,
градусом спирта пути обжигая.
Пастырь паству ко причастью зовет,
мертвых надеждой утешить пытаясь.

Солнце садится за линию неба,
ловятся искры последних надежд,
странники, вроде же Боба Марлея,
шалостью губят души невежд.

Кольки от хохота рвут животы им,
горькость от курева в полости рта,
радуга в музыке строит мечты,
а ночи проходят вблизи кабака.

Гимны отчизне поются уныло,
песня поэта уже не прельщает,
непостижимые странности мира
грустью-тоскою людей удручают.

Солнце, зачем? Солнце, не надо!
Людам не выгоден мир без уклада.
Бог иллюзорный им греет сердца.
Зачем отбирать у мерцов небеса?

СТАГНАЦИЯ 4

Осень. Прохлада, а в обуви влага.
Подштопаны боты, мокры, без подкладок.
Но пофиг, ведь дана уму криптограмма —
развеять все смыслы поэтским дурманом.
Листы под руками и ручка зубами
выводит кривые умышленно прямо.
Виднеются строки – мышленья пороки —
«я болен. я туп. я опьянен!...»
Так вот эти люди! Так вот эти скряги!
В думах его все описаны грязью.
От имени тысяч он пишет в себешнем:
«Я чувствую червей! Я чувствую трэшность!»
И в белой горячке ака вдохновенье
мерцают зорницы в зерне охмеленья,
и листья бумажные строками марят:
«я не был готов к этой паре!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.